

ПОНЯТИЕ И СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕОСТОРОЖНЫМ ЛИШЕНИЕМ ЖИЗНИ

МАРТЫН ТАДЕВОСЯН

Проблемы преступной неосторожности в последние годы вполне обоснованно привлекают все большее и большее внимание юристов — ученых и практиков. Причем, нет необходимости доказывать, что первостепенное научное и практическое значение здесь имеет задача борьбы с преступлениями, связанными с неосторожным лишением жизни.

Между тем, до сих пор в литературе по уголовному праву и криминологии нет единого подхода к названной проблеме. Это объясняется, во-первых, особенностями структуры Особенной части уголовных кодексов союзных республик и, во-вторых, разнородностью противоправного поведения, результатом которого является неосторожное лишение жизни. На последнем обстоятельстве следует остановиться несколько подробнее. Как известно, неосторожное лишение жизни может быть совершено в результате случайных физических контактов, при использовании автотранспорта, в сфере производственной деятельности и т. п. Во всех названных и иных случаях различно психическое отношение субъекта к своим действиям, их результатам, неодинаково складывается механизм причинения. На поведение субъекта преступления оказывают влияние различные социальные и социально-психологические факторы. Особенности уголовно-правовой регламентации различных случаев неосторожного лишения жизни, их неоднородная социально-психологическая основа, специфика их криминологической характеристики приводят к тому, что в настоящее время неосторожное лишение жизни анализируется, главным образом, с позиций отдельных видов преступной неосторожности, в результате которой может наступить или наступает смерть. При этом центр тяжести переносится на анализ субъективной стороны преступления и действий лица, заключающихся в нарушении определенных правил. Влияние характера последствий или возможности наступления последствий на правовую оценку предшествующих действий в сущности игнорируется. Это означает, что действия лица, скажем, при совершении автотранспортного преступления, рассматриваются одинаково, независимо от объекта, которому причиняется вред, хотя характер вреда, разумеется, учитывается при квалификации преступления.

Поскольку сказанное относится ко всем видам преступного неосторожного лишения жизни, возможно теоретическое расхождение в понимании характера неосторожности, в трактовке причинной связи и

т. п. А это, в свою очередь, может привести и действительно приводит к необоснованным различиям в наказуемости отдельных действий в уголовной политике, конкретизируемой в разных сферах общественных отношений.

Сказанное подтверждается при обращении к литературе по уголовному праву. Действительно, вопросы неосторожного лишения жизни специально рассматриваются только в тех случаях, когда речь идет о преступлениях против личности, т. е. в одном из разделов уголовного права. Но там, как правило, исследуется только состав преступлений, предусмотренный ст. 103 УК Арм. ССР (ст. 106 УК РСФСР), а именно: неосторожное убийство. Что же касается, например, неосторожного лишения жизни в результате автотранспортных преступлений, то последние особо не выделяются и рассматриваются как случай преступной неосторожности: а) не имеющий особой специфики; б) не скоординированный в правовом смысле с составом неосторожного убийства. А этот подход определяет и проблематику преступной неосторожности, которая сосредотачивается на вопросах, не специфичных для неосторожного лишения жизни, и, как мы постараемся показать ниже, упускает важные для этой группы преступлений моменты.

Еще более существенно то обстоятельство, что углубленная разработка общего понятия преступлений, связанных с неосторожным лишением жизни, определяется прямыми потребностями практики.

Высшая ценность человеческой жизни как блага, защищаемого уголовно-правовыми средствами (хотя, конечно, не только ими), требует, чтобы эти средства были скоординированы между собой, подкрепляли друг друга, обеспечивали защиту жизни во всех случаях и ситуациях. Это означает, что все нормы, так или иначе регулирующие ответственность за неосторожное или умышленное посягательство на жизнь человека, должны быть сопоставлены друг с другом с позиций их роли в охране жизни человека, должны выполнять специфические частные задачи обеспечения неприкосновенности жизни, способствовать предупреждению такого рода посягательства. В частности, необходимо, чтобы ответственность за различные виды неосторожного уголовно-наказуемого лишения жизни дифференцировалась и определялась на единой основе, но в зависимости от сравнительной общественной опасности этих преступлений. По-видимому, на единой основе должны решаться и вопросы квалификации преступлений, в особенности, когда речь идет об анализе признаков состава преступления.

Таким образом, именно потребности развития уголовно-правовой теории и практики борьбы с неосторожными посягательствами на жизнь человека требуют разработки общего понятия преступлений, связанных с неосторожным лишением жизни. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что анализ такого понятия является не только необходимым, но и правомерным с научной и юридической (нормативной) точек зрения. Как из-

вестно, в уголовном законодательстве, в теории и на практике широко пользуются такими понятиями, как «умышленное убийство», «неосторожное убийство», «преступления против жизни» и т. д. Некоторые понятия употребляются в научном обиходе, но не в законодательстве, например, «бытовые преступления», «преступная неосторожность», «предумышленные убийства» и т. п. Независимо от того, использует ли законодатель эти понятия или нет, они содержат, хотя и в разной мере, определенную информацию уголовно-правового характера. Эта информация может обозначать связь между отдельными преступлениями, выделять существенные их признаки, указывать на принадлежность к одной группе, т. е. на определенную их общность. Как бы то ни было, используемые понятия являются опорными пунктами теоретического познания и практической деятельности, их полезность доказана практикой, и они могут восприниматься и передаваться как достаточно четкие и определенные.

Советские юристы, в частности специалисты в области уголовного права, доказывают, что понятие определенного преступления или группы преступлений отнюдь не исчерпывается формально-логической диффиницией. Понятие вида уголовно-наказуемого посягательства основывается на исследовании существенных и притом общих черт охватываемого им явления, отражая в сжатом виде характеристику этого явления, его содержание. Например, анализируя понятие хищения, криминалисты стремятся передать общее, содержащееся во всех видах посягательств на социалистическое имущество, дать столь общую характеристику данному виду преступных деяний, которая может быть использована при определении менее общих составов преступлений.

Поэтому разработка общего понятия «преступления, связанные с неосторожным лишением жизни» должна подчиняться ряду содержательных и формально-логических требований. В первую очередь она должна опираться на анализ уголовного законодательства и в известной мере на анализ практики его применения. Понятие должно отражать явление, которое реально существует либо на уровне нормативного регулирования, т. е. внутри правовой системы, либо на уровне социальных отношений, практической человеческой деятельности. Границы этого явления должны быть достаточно определенными и диалектически подвижными. Разумеется, соблюдение этого условия достигается в ходе процесса обращения от теоретических постулатов к реальности и наоборот, но в данном случае достаточно указать на связь отражающего и отражаемого понятия с реальностью.

Формально-логические требования к разработке общего понятия, в данном случае, на наш взгляд, состоят в обеспечении его внутренней непротиворечивости, внешней соотносимости с другими понятиями и, что иногда упускается из виду, в необходимости правильного восприятия данного понятия, в подкреплении его для этого необходимыми синонимами.

В свою очередь само понятие «преступления, связанные с неосторожным лишением жизни» должно обеспечивать полный охват состава

данной группы преступлений, т. е. указание на общие черты этих составов и выявление различий между составами и т. д. Иными словами, данное понятие должно быть в принципе исходным для получения в последующем системной уголовно-правовой характеристики изучаемой группы преступлений. Наряду с этим в процессе анализа необходимо стремиться к тому, чтобы вырабатываемое понятие (еще раз подчеркиваем: оно не отождествляется с диффиницией) было практически действующим. Оно должно применяться, например, по меньшей мере в процессе квалификации, что весьма актуально для данного случая, при решении вопросов, связанных с конкуренцией уголовно-правовых норм, при научно-практическом исследовании достаточности, полноты и разнообразия применяемых уголовно-правовых средств защиты жизни от неосторожных посягательств.

В соответствии со сказанным обратимся к анализу уголовно-правовых норм, регламентирующих составы преступлений, связанных с неосторожным лишением жизни. Для этого следует, во-первых, сделать отбор составов преступлений, которые входят в данную группу, т. е. являются составами преступного неосторожного лишения жизни.

Анализ текста уголовно-правовых норм показывает, что преступления, связанные с неосторожным лишением жизни, обозначаются с помощью различных терминов. Одни и те же признаки составов преступления, имеющие, по-видимому, одинаковое содержание, называются законодателем по-разному, различными терминами. Рассмотрим сказанное на примере такого признака состава преступления, как результат преступного посягательства, которым в данной группе преступлений является лишение жизни. Этот результат описывается терминами: «несчастные случаи с людьми», «смерть человека», «смерть потерпевшего», «гибель людей», «человеческие жертвы». В некоторых случаях, явно подразумевая возможность наступления смерти, законодатель использует термин «иные тяжкие последствия». Так, ст. 165 УК Арм. ССР (ст. 165 УК РСФСР) устанавливает ответственность за нарушение ветеринарных правил, что ведет к распространению эпизоотии или к *«иным тяжким последствиям»*. Реальное поведение такого рода может в отдельных случаях привести к тяжкому заболеванию и смерти одного человека или группы людей, например, в случаях употребления бруцеллезного молока. Возникает вполне естественный вопрос: рассматривается ли в этом случае часть понятия «иные тяжкие последствия» как синоним понятия «лишение жизни», или иными словами, является ли первое понятие соотносимым со вторым как целое с частью.

Аналогичные вопросы возникают и при обращении к ст. 237 УК Арм. ССР (ст. 217 УК РСФСР). Она предусматривает ответственность за нарушение правил хранения, использования, учета, перевозки взрывчатых и радиотехнических веществ или пиротехнических изделий, если эти действия могли повлечь (ч. I) или повлекли (ч. II) за собой тяжкие

последствия. Ведь совершенно очевидна возможность взрыва такого рода веществ. И в этом случае, следовательно, возникает вопрос о соотношении терминов «иные тяжкие последствия» и «лишение жизни», а по существу — вопрос о принадлежности данного состава преступлений к рассматриваемой группе преступлений, связанных с неосторожным лишением жизни.

Терминологические расхождения в описании последствий неосторожного посягательства на жизнь и здоровье людей, разумеется, не являются единственным затруднением в изучении данной группы преступлений. Но указание на них, по меньшей мере, достаточно убедительно показывает необходимость выделения признаков, общих для всей группы и идентифицирующих составы преступлений, входящих в эту группу. Такого рода признаки могли бы раскрыть общее в неосторожных посягательствах, приведших к лишению жизни. В данном случае речь идет об использовании достаточно распространенного в уголовно-правовой теории приема. Выделение общих признаков для хищения социалистического имущества, разбоя, хулиганства определяет границы групп упомянутых преступлений и дает их сущностную характеристику. Таким образом, эти общие признаки ложатся в основу формируемого понятия.

На наш взгляд, группа преступлений, связанных с неосторожным лишением жизни, реально объединяется, а входящие в нее преступления идентифицируются: характером причиненного вреда (преступными последствиями); однородностью субъективной стороны; структурой механизма причинения смерти (объективной стороны). Каждый из этих признаков, в свою очередь, нуждается в тщательном научном анализе и определении, и лишь в таком случае они могут раскрыть сущность изучаемой группы преступлений. Рассмотрим их последовательно.

Выше упоминалось о терминологических расхождениях в описании преступных последствий уголовно-наказуемой неосторожности. Однако сказанное не исчерпывает характеристики признака причиненного вреда. Здесь следует указать дополнительно на несколько моментов. Во-первых, следует оговорить, что в данную группу входят лишь преступления, реально причинившие вред, а именно: лишение жизни. Оставление в опасности должно рассматриваться как самостоятельная группа составов преступлений, имеющая специфическую характеристику, хотя и близкую к иным составам преступной неосторожности. Во-вторых, необходимо упорядочить терминологию, используемую в законодательстве. Мы отдаем себе отчет в необходимости использования синонимов. Тем не менее «разброс» синонимов должен иметь свои пределы. На наш взгляд, в законодательстве следует использовать термины «причинение смерти» (смерть), «лишение жизни», а также раскрыть содержание понятия «иные тяжкие последствия» во всех случаях, когда законодатель хочет установить степень причиненного вреда. Такая постановка вопроса уже частично обоснована указанием на необходимость специального толкования для рас-

крытия содержания термина «иные тяжкие последствия». Но и термин «несчастные случаи с людьми» имеет несколько иной оттенок, нежели понятие «гибель людей». Само слово «случай» в уголовном праве имеет специфическое значение и противостоит умышленному или неосторожному причинению.

Необходимость более четкого употребления терминов и, в частности, рассматриваемого, подтверждается еще одним технико-юридическим аргументом. В ст. 138 УК Арм. ССР (ст. 140 УК РСФСР) термин «несчастные случаи» раскрывается через перечисление таких видов вреда, как причинение телесных повреждений, утрата трудоспособности, смерть человека, причинение тяжких телесных повреждений нескольким лицам. В ст. 80 УК Арм. ССР (ст. 85 УК РСФСР) термин «несчастные случаи с людьми» законодателем не раскрывается. А если сопоставить санкции этих статей (максимальная в ст. 140 УК РСФСР — лишение свободы сроком до пяти лет, максимальная в ст. 85 УК РСФСР — до 15 лет), то невольно возникает предположение о разном содержании одного и того же термина. К тому же в ст. 138 УК Арм. ССР (ст. 140 УК РСФСР) говорится о смерти одного человека или причинении тяжких телесных повреждений нескольким лицам. Возникает вопрос: как же квалифицировать с точки зрения буквы закона нарушения правил труда, приведшие к смерти нескольких лиц, если законодатель, в отличие от других случаев, здесь говорит только о смерти одного человека.

Исходя из сказанного, первым общим признаком данной группы преступлений является характер преступных последствий, состоящий в лишении жизни одного или нескольких лиц. Вместе с тем мы вносим предложение унифицировать терминологию и принять однородную структуру.

Субъективная сторона рассматриваемой группы преступлений состоит (что является само собой разумеющимся) в преступной неосторожности, характер которой, вместе с тем, нуждается в анализе. Однако влияет ли в таком случае характер последствий (смерть одного или нескольких людей) на содержание субъективной стороны?

Такая постановка вопроса вполне корректна. В уголовно-правовой литературе дается целый ряд классификаций неосторожных преступлений, основанных именно на связи между характером, особенностями вины и последствиями. Так, П. С. Дагель пишет о необходимости дифференцированного подхода «к различным видам неосторожности в зависимости от их особенностей»¹, а затем выделяет типы составов неосторожных преступлений именно по характеру последствий, в частности, по возможности причинения вреда и материальному выражению последствий.

На наш взгляд, раздельное рассмотрение субъективной стороны преступления по отношению к различным видам последствий является не только необходимым, но и чрезвычайно важным. Оно дает возмож-

¹ П. С. Дагель, Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы, М., 1977, с. 126.

ность избежать опасности объективного вменения, которое все же имеет место, когда субъективная сторона рассматривается только по отношению к нарушению правил. В литературе отмечается, что характер наступивших последствий во многом случаен для характера действий субъекта. С этим можно согласиться, но субъективная сторона должна иметь различное содержание. Например, лицо нарушает правила движения в большинстве случаев в том месте, где невозможно ожидать появления людей. Правильно ли будет, квалифицируя его действия по ст. 173 УК Арм. ССР (ст. 211 УК РСФСР), возлагать на него ответственность за причинение смерти?

Мы полагаем необходимым сформулировать тезис, имеющий, на наш взгляд, принципиальное значение: содержание субъективной стороны зависит от наступивших последствий, а, следовательно, при наступлении ряда последствий содержание субъективной стороны должно устанавливаться дифференцированно по отношению к каждому из этих последствий. Принципиально неверно в этом смысле противопоставлять умысел и неосторожную вину. В том и в другом случае существует специфика отношения к последствиям.

В этом плане следует сформулировать содержание субъективной стороны при неосторожном лишении жизни как умышленное отношение к совершаемым действиям при предвидении реальной возможности наступления смерти, которую лицо легкомысленно надеялось предотвратить, а также как умышленное отношение к действиям при отсутствии предвидения реального наступления смерти, но наличии возможности его предвидеть. Это означает, что лицо предвидит либо должно предвидеть возможность наступления смерти—лишения жизни, а в противном случае не несет ответственности за непредвиденные, но наступившие последствия.

При таком подходе возможен случай квалификации, например, по ч. I ст. 173 УК Арм. ССР (по ч. I ст. 211 УК РСФСР) действий лица, нарушившего правила движения, в результате чего был причинен материальный ущерб и наступила непредвиденная смерть. А это в свою очередь гарантирует опасность объективного вменения.

Завершая вопрос о значении субъективной стороны, отметим, что в данную группу не входят преступления, которые советская юридическая теория характеризует как преступления со смешанной формой вины, представляющие собой совокупность умышленного и неосторожного преступления. Нужно подчеркнуть, что в принципе неосторожное лишение жизни может наступить в любой сфере социальных отношений и деятельности. Оно может быть результатом использования любых технических средств и механизмов, оказаться последствием любых действий или даже бездействия. Это существенная оговорка и она, на наш взгляд, также является одной из исходных для обозначения группы посягательств, связанных с неосторожным лишением жизни, выработки их общего понятия и анализа родового состава.

На основании сказанного можно предпринять попытку определить преступления, связанные с неосторожным лишением жизни, как бездействие, или действия, совершенные любым способом и в любой сфере деятельности, совершаемые умышленно, но при неосторожном отношении к последствиям, в результате чего наступает смерть одного или нескольких лиц.

**ԱՆՉԳՈՂՈՅԹՅԱՄԲ ԿՅԱՆՔԻՑ ԶՐԿԵԼՈՒ ՀԵՏ ԿԱՊՎԱՐ
ՀԱՆՑԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ՀԱՍԿԱՑՈՒԹՅՈՒՆԸ ԵՎ ՀԱՄԱԿԱՐԳԸ**

ԻՄՔՏԵՆ ԽԱՆԿԱՌՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Անզգուշությամբ մարդուն կյանքից զրկելու հետ կապված հանցագործությունները գնալով դառնում են իրավաբան-գիտականների և պրակտիկ աշխատողների քննության առարկան: Սակայն մինչև օրս իրավաբանական գրականության մեջ ընդհանուր մոտեցում չկա տվյալ պրոբլեմի լուծման գործում, որ բացատրվում է միութենական հանրապետությունների գործող բրեական օրենսգրքերի առանձնահատուկ կառուցվածքով և տարբեր սեռի հանցագործությունների կատարումով, որոնց հետևանքով անձին մահ է պատճառվում:

Գործող բրեական օրենսգրքության իրավական նորմերի դիսսյուդիցիաների մեջ չկա նաև ընդունված տերմին, որի տակ հասկացվի վնաս՝ անզգուշությամբ մահ պատճառելու ելքով: Անզգուշությամբ մահ պատճառելու հետ կապված բոլոր տեսակի և բնույթի հանցագործություններն անհրաժեշտ է համախմբել և կազմել մի խումբ: